

клонение. С точки зрения этого искусства, образ Всеслава, созданный автором «Слова», должен был вызвать самую резкую оценку. Так как в «Слове» ее нет, становится не совсем понятна концепция самого автора «Слова».

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить источники, использованные автором «Слова» при создании образа Всеслава, и круг тех представлений, которыми он жил.

*

Откуда автор «Слова» черпал сведения о Всеславе, жившем почти за сто лет до него? Легко установить, что «Повесть временных лет» не могла явиться таким источником. В описании Всеслава, сделанном летописцем и автором «Слова», несмотря на некоторые совпадения, имеются большие различия, которые говорят скорее о параллельности этих текстов, чем об их взаимной зависимости.

Для выяснения этого вопроса Р. Якобсон совместно с М. Шефтелем и Р. Ружичичем¹⁰ проделал большую работу, выводы которой оказались чрезвычайно убедительными и весьма интересными. Помимо «Повести временных лет» и «Слова» для характеристики образа Всеслава авторы широко привлекали былинку о Волхве Всеславиче, прототипом героя которой, как они убедительно доказали, явился полоцкий князь Всеслав.

Сравнивая описания Всеслава в «Повести временных лет», в былинке и в «Слове», авторы приходят к выводу, что между этими описаниями имеются многочисленные совпадения. Существуют такие соответствия между былинкой и «Словом», которых нет в «Повести временных лет», существуют соответствия между былинкой и «Повестью временных лет», которых не удалось обнаружить в «Слове», и, наконец, имеются некоторые мотивы, встречающиеся в «Слове» и «Повести временных лет», но отсутствующие в былинке. Рассматривая генетические соотношения, которые связывают все эти источники, Р. Якобсон и М. Шефтель пришли к выводу, «что все три повествования восходят к общему источнику, очевидно к устному эпосу о Всеславе, который был создан фантазией его современников».¹¹ Возможно, утверждают далее оба автора, находящиеся в «Слове» фрагменты о Всеславе просто интерполируют отдельные эпические песни о Всеславе, возникшие еще в XI в.¹²

Р. Якобсоном и Р. Ружичичем была сделана попытка на обширном материале фольклора ряда югославянских народов выявить истоки эпических песен о Всеславе. Авторы убедительно доказали существование в глубокой древности общеславянского мифа об оборотне. В общих чертах этот миф, как устанавливают Р. Якобсон, Р. Ружичич и М. Шефтель, сводится к следующему.

У княгини или принцессы от змея-дракона родился необыкновенный сын. Он появился на свет в рубашке (последе), кусочек которой, по настоянию колдунов, всегда носит с собой. Ему предсказана необычайная сила и кровожадность, пугающие даже родную мать и заставляющие дрожать сыру землю. Ребенок быстро растет. Он обладает даром ясновидения,

¹⁰ R. Jakobson and M. Szeftel. The Vseslav epos. Russian Epic Studies. Philadelphia, American Folklore Society, 1949 (далее: R. Jakobson and M. Szeftel), стр. 13—80; R. Jakobson and G. Ružičić. The Serbian Zmaj ognjeni vuk and the Russian Vseslav Epos. — Extrait de l'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, t. X. Bruxelles, 1950 (далее: R. Jakobson and G. Ružičić), стр. 343—355.

¹¹ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 53.

¹² Там же, стр. 54.